

Главное. Arcana 3

Взаимоотношение двух важных понятий World & Peace (русск. вар. Мир – Рим) лежало в центре орденовой идеологии того времени. Вот как это было выражено в слове (перед нами реконструкция конца XIX – начала XX века, принадлежащая перу поэта-эзотерика Франца Грильпарцера, известного в России по переводу А. Блоком его пьесы «Праматерь»). В пьесе «Борьба в семействе Габсбургов», где главными действующими лицами являются известный нам Рудольф II, его злокозненный брат Матиас (ставший после смерти Рудольфа в 1612 г. королём) и ближайший друг Рудольфа Юлиус Брауншвейг, император Священной Римской империи говорит другу Юлиусу:

*«Замыслил орден я создать – не кровь,
Не доблесть будут отличать его;
Избранник будет зваться Рыцарь Мира,
Из всех народов буду выбирать».*¹

Грильпарцер помнил об «Confessio» RC: «Приглашаем и допускаем в наше Братство достойных из всех народов, кто разделяет с нами свет Господень...» (6, 522). Но главное – парадоксальная, оксюморонная идея *Рыцаря Мира*. Что это такое и как это понимать?

С одной стороны – **Рыцарь**. То есть человек вооружённый, способный отстоять слабых в борьбе со злом, защитить безоружных, восстановить попранную справедливость. Наличие у него доспехов, копья и меча – обязательно. Ни один оппонент с противной стороны не воспримет его всерьёз без этих *серьёзных* атрибутов.

С другой стороны – **Мир а**. Раздевайся до исподней рубашки, бери в руки пальмовую ветвь, растопыривай пальцы, чтобы было видно, что ты *безоружен*, и надевай на лицо дежурную улыбку, чтобы тебя не застали врасплох в дурном настроении. Весь во власти человека вооружённого, который такое настроение позволить себе может.

Как слепить из этих парадоксальных половинок целое – непонятно, но любящие картинку Розенкрейцеры попытались создать утешительное Табло для визуально-витиеватого (соединение двух концептуальных слов Wisa и Wit) растворения в квазиреальности изображения. Таков титульный лист книги Бероальда де Вервиля «Табло богатства существ, или Мечта Полифила», 1600 г.

Рассмотрим внимательно эту мечту Всехлюбящего деда в правом нижнем углу. В этой роли выступает уже известный нам Gusta-

---

¹ Цит. по 3; 109 (ред. моя – ОК).

vus Selenus. Молодому человеку (он был на два года младше Рэтленда) приделана борода с усами, которая не старит без единой морщины лицо; он сидит в кресле-троне мудреца-Финна и читает в книге **Жизни**, где есть *всё обо всём*, или *Сумма знания*.

От него начинается лента, соединяющая все четыре угла изображения, где представлены символы четырёх стихий – четырёх евангелистов. Итак: низ гравюры – справа Человек, Вода, Полифил; слева Дерево, которое возникает из огня раскалённого центра Земли, о чём постоянно напоминают вулканы, – это символы Земли; верх – слева Лев, символ огня, но огня укрощённого любовью Полифила; справа – Рог Изобилия с плодами земными и небесными, символ Воздуха. Евангелисты: Человек (Полифил) – Лука; Дерево (Земля) – Матфей; Лев (Огонь) – Марк; Рог Изобилия (Воздух) – Иоанн. Между четырьмя углами, промежутки по горизонтали и по вертикали занимают ещё четыре графических элемента: внизу – вогнутое Зеркало – образ алхимической колбы с бурлящей первоматерией, из которой возникают законченные формы всего, в том числе и Самого главного, Принципиального. Эта сфера – то, что видит Полифил в своей книге *Жизни*; он не просто созерцает, но и участвует как Творец в происходящем. Слава – алхимический Дракон, пожирающий червя грубой материи при прокаливании, обжиге и нагревании. Внутри – алхимические знаки философской серы и ртути. В результате обработки агрессии любовью, у Льва обрубается его лапы с острыми когтями. Посредине вверху – дерево со свитым Фениксом гнездом, в котором он сжигает себя, чтобы тут же возродиться вновь. Из-под одной

Титульный лист книги Б. де Вервиля

ЧУДО АНГЛИЙСКИХ РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ

из лап Феникса возникает решающий все земные проблемы Рог Изобилия. Справа представлена возгонка мысли Полифила – прямо над его головой: первым идёт тот же огненный Дракон трансмутаций; над ним мощный Корень познания; на нём – Чаша Грааля с фонтанами *живой* и *мёртвой* воды – образ истины, поделённой пополам; эта идея оформлена двумя ликами наверху. Под Рогом Изобилия не пропустим изображение песочных часов – образ времени, которое сопровождает всё живое.

Мы догадываемся, что юноша с бородой – *starec* – это Август Брауншвейг. А вот как он оправдал выданный ему аванс. «Став правителем, Август оказал большие услуги стране, водворил в ней порядок после страшного расстройтва, произведённого войной; издал превосходный школьный устав, учредил богатую библиотеку, не оставляя при этом учёных занятий». У современников заслужил звание «Божественный старец» – *senex divinus*. Умер Август на семьдесят восьмом году жизни в 1666 году – три шестёрки Триграфа присутствуют в числе. Буквица «А» в издательской виньетке Фрэнсиса Бэкона напоминает всем об этом святом имени.

Но в своём гностическом хозяйстве Бэкон ставил поэзию, в том числе драматургию отнюдь не на первое место. «Нехорошо слишком долго задерживаться в театре. Давайте пойдём в храм рассудка или дворец ума; к храму следует приближаться с большим вниманием и почтением». Или ещё: «Поэзию же можно сравнить со сновидением: она приятна, разнообразна, хочет казаться владеющей чем-то божественным, на что претендуют и сами сновидения. Однако настало время мне пробудиться, оторваться от земли и пронестись по прозрачному эфиру философии и наук». И подводит итог: «Разумеется, писать в час досуга то, что и читается на досуге, – дело малозначительное; создавать лучшие условия человеческой жизни и труда, наперекор бедам и тяготам, с помощью здравых и верных размышлений – вот цель, к которой я стремлюсь».¹ Да и Уставы Розенкрейцеров строго ограничивают круг их занятий, – сочинение “безделушек” сюда не входит. Оставаться в пределах художественности, не сползая в сухой дидактический, было высоким искусством. И в «Кориэтовых нелепицах» Рэтленд показал высший класс владения и тем и другим – юмор всегда выручал: спасал *высокое* от напыщенности.

И снова бытописатель Бен Джонсон с аллегорической пьесой «Леди Магна» подсказывает. Бэкон в пьесе – «Практис», самый

---

¹ 3; 127.

лучший юрист; Рэтленд – «Компас», что тогда могло значить и циркуль, один из RC символов, позже масонских. «Эти два персонажа пришли к соглашению: вся их совместная литературная продукция, как и псевдоним «Уильям Шекспир», останется в веках детищем Рэтленда, а задуманное и вместе начатое братство учёных (в пьесе «the project», «reversion») станет творением Бэкона. В пьесе Компас говорит Практису: вот уж не думал, что его друга так огорчит утрата сущей безделицы – жены (аллегория, означающая авторство пьес), ведь ему предстоят гораздо более великие и серьёзные свершения. И Практис в общем довольно легко с этим смиряется. Практис (Бэкон) – великий юрист, а Компас (Рэтленд) – книжник, оба заняты неким важным проектом, каждый претендует на главную роль, но там упоминается ещё и *третье лицо, наиглавнейшее*; с его уходом главных остаётся двое. Оба они любят девушку-служанку, которая на самом деле внучатая племянница Леди Лоудстоун («The Magnetic Lady» – Леди Магна). Ни она сама, ни леди ничего о подмене не знают. Имеется и подложная племянница, девушка низкого происхождения и обманщица. Так появляется в пьесе идея поддельного авторства. В конце концов выяснилось, кто настоящая дочь умершей четы Стилов, – приживалка хозяйки подменила её на свою дочь. И Компас женится на настоящей дочери. Её хотел взять в жёны и Практис, но Компас ухитрился обвести его вокруг пальца. И Практису достался великий проект, а жена (поэтическое наследие) – Компасу. Всё кончается благополучно, невеста ещё принесла Компасу 16 тысяч фунтов стерлингов, оставленных её родителями у дяди. (А у жены Рэтленда действительно был дядя, брат её отца Филипа Сидни, она была в очень тёплых отношениях с ним, более тёплых, чем с тёткой, – именно ему и матери она завещала своё имущество.) Джонсон, по-видимому, намекает на 16 никогда не издававшихся пьес, невесть откуда взявшихся и вошедших в Первое Фолио, – Бен Джонсон принимал активное участие в издании первого собрания пьес Шекспира и хорошо знал все сложности с его созданием. Был он и великий мастер заключать в пьесы, которые писал для сцены, аллегории, понятные определённому кругу зрителей и читателей. Так Практис, великий юрист, становится главой и основателем некоего очень важного, куда более важного, чем “жена”, *проекта*. Книжнику и математику Компасу достаётся всего лишь “жена”, то есть авторство 36 пьес»¹.

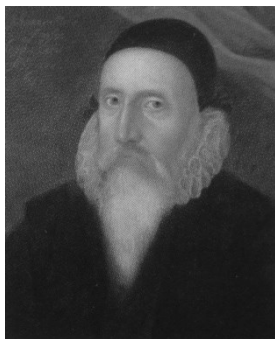
¹ По 3, 142-144; (ред. моя – ОК).

ЧУДО АНГЛИЙСКИХ РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ

Снова появляется мистическое 16, которое делает всю историю ещё более эзотерически внятной. Но возникает вопрос о причастности Елизаветы Сидни к этим 16 пьесам. В годы чрезвычайной занятости Бэкона на государственной службе, она, скорее всего, подменила его в редакторской и коллекторской части работы. То, что пьесы проходили через её руки – несомненно, и при её творческом потенциале и причастности Проекту и Ордену её рабочий вклад в создание шедевров естественен. Она находилась в горле воронки, куда стекался весь материал. Кроме того её участие гарантировало незримое присутствие в ансамбле её отца, великого Филипа Сидни.

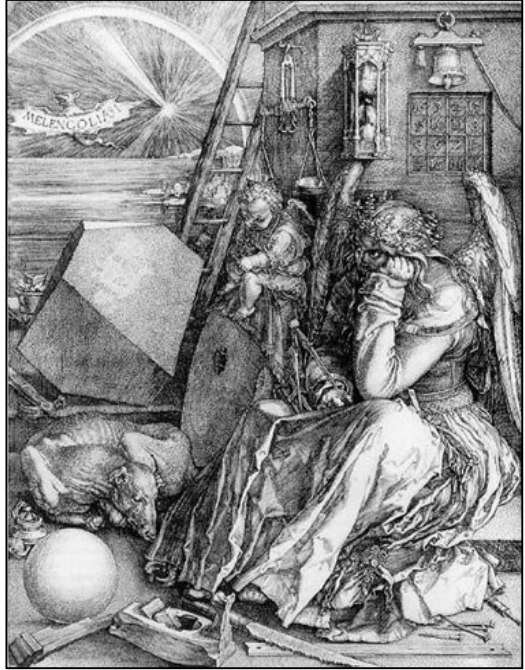
Важен вопрос и о «третьем лице, наиглавнейшем». Похоже, что речь идёт о Джоне Ди, который участвовал в качестве архитектора в перестройке театра «Глобус» – значит, он находился в эпицентре Проекта RC, о чём намекала Фрэнсис Йейтс. Не исключено гностическое патронирование Проекта и Робертом Фладдом, который, как и Джон Ди, не был философом, но был *мастером духовной культуры*. Напоминаю разницу: *философия – это наука умирать, а духовная культура – искусство жить*, причём речь идёт о большом космическом бытии, а не только об узких рамках земной школы. Рэтленд как великий художник культивировал драматизм поиска, а не академическую ясность атмосферы найденных ответов. Но то, что шут гороховый Кориэт превращается в книжника и математика – знаменательно. Контраст, какой бывает нужен при закалке металлов. Умение извлечь *смысл* (Бэкон) и *художественную выразительность* (Рэтленд) из всего – характерная черта “Шекспира”. Именно работа “двуручной пилой” позволяла изготовить такое количество шедевров за неполные двадцать лет. *Мим* не давал возможность *математику и книжнику* пересушивать сюжеты, превращая пьесы в наглядные пособия. Вот что делает великий художник с темой:

Джон Ди

Вот древний Демокрит под деревом
Сидит на камне, держит книгу.
Смотрите, кто над ним вивает:
Собаки, кошки и другая живность,
Он занят с ними вивисекцией,
Желчь чёрную желает видеть.
Над головой его нависло небо,
А в нём бог меланхолии – Сатурн.

Это стихотворная подпись к гравюрам на титульном листе «Анатомии меланхолии» Роберта Бёртона, авторство которой приписывается Бэкону. И рядом – что делает из этой темы великий художник: перед нами «Меланхолия» Дюрера. Все гностические элементы сохранены (есть даже «магический квадрат» с датой создания гравюры: 1514), но выразительность персонажа сравнима только с Шекспировскими ведьмами из «Макбета». Скромный уровень, как на титуле «Le Tableau...» был для RC в самый раз; в «Шекспире» они столкнулись с явным перебором. Из скромного исполнителя орденских заданий «Шекспир» превратился в самодержавного принца совсем другого государства. В нём от дурака до гения, от шута до короля, был всего один шаг. Бэкон, который держал внутри себя структуру 21-го аркана, вынужден был это скрывать и прятать. Вот откуда алтоним. Но дураковатость прорвалась, он на это был пойман и слетел с самых верхов власти, признавая в молитве, что занимался «не своим делом». Следующее поколение эзотериков, которые уже назывались «масоны», дураковатости себе уже не позволяло. Да и «героический энтузиазм», который привёл на костёр Джордано Бруно, хранили под спудом. Когда Галилей отрёкся перед инквизицией от своих идей, никого это не покорило. Это был *новый тон*, Newton и даже Mille(-pardon)-ton, Milton, *тон тысячи (извинений)*.

А. Дюрер. Меланхолия

Но в начале XVII века рациональное и иррациональное ещё себя друг другу не противопоставляли. Бэкон был лидером и в том и в другом. «У халдеев, – с гордостью писал он, – магия считалась возвышенной мудростью, знанием всеобщей гармонии природы». Был

ЧУДО АНГЛИЙСКИХ РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ

такой маг и в ближайшем окружении дуэта. Речь идёт о Генри Перси девятом графе Нортумберленде (1564-1632), известном как «the Wizard Earl», *граф-чародей*. Это был меланхолик, затворник, книжник, мыслитель. У него была большая библиотека – около 2000 томов, четыре глобуса, целый шкаф математических инструментов. В *Компасе* Бена Джонсона и в *Жаке Меланхолике* “Шекспира” много черт от графа чародея. Поскольку он имел по происхождению права на престол, а английский посол во Франции неосторожно проговорился, что граф – «главный персонаж королевства», Яков I счёл необходимым – для безопасности – упечь его по ничтожному предлогу в Тауэр, где он долгое время и пребывал. Принц Генри говорил ужасаясь, но с восторгом: «Только мой отец может держать взаперти такую птицу». До посадки маг тесно общался с Рэтлендом, а будучи одногодком с Шакспером и Марло, выполнял по отношению к владельцу Бельвуара, где часто бывал, роль старшего брата.

В научных изысканиях Нортумберленда принимал участие его друг, учёный Томас Харриет, один из «трёх магов» мифа. «Харриет был человек позднего Возрождения: он был одновременно математик, астроном, философ, географ. Это значительная фигура в истории науки; занимаясь оптикой, он переписывался с Кеплером, был пионером в изучении небесного свода с помощью “perspective trunk”, т.е. телескопа, он же составил первую полную таблицу логарифмов. И был типичным ренессансным оккультистом. Ещё один учёный в окружении графа – Уолтер Уорнер, чья теория кровообращения предшествовала известной теории Уильяма Гарвея, насколько от неё не отличаясь. Как писал Орби, левой руки у него не было – вместо неё “кулья с пятью пупырышками”, на которой он “носил манжет, вроде кармана”. Харриет и Уорнер вместе с географом Хьюзом как раз известны в истории как “три мага графа Нортумберленда”. В последние годы заключения они были для него челядью, только научной, – крошечная академия наук внутри этих мрачных стен».¹ Они жили с ним в Тауэре для лучшего времяпрепровождения графа. «Граф Нортумберленд и сэр Уолтер Рэли, будучи узниками Тауэра, познакомились, и сэр Уолтер Рэли представил графу м-ра Харриета. Граф назначил ему пожизненное содержание – 200 фунтов в год, которыми тот и пользовался. Но Хьюзу ... и м-ру Уорнеру он положил всего по 60 фунтов. Этих троих обычно называли “три мага графа Нортумберленда”. Они питались в Тауэре за

---

¹ Nicoll Ch. *The Reckoning*. Chicago 1995; 194.

Уолтер Рэли

счёт графа, и граф беседовал с ними купно и порознь».¹ Граф держал превосходный стол для своих подопечных; к их компании часто присоединялся Рэли.

Такова легенда. Отголосок есть в комедии “Шекспира” «Тщетные усилия любви», полной аллюзий и загадок. Но ещё явственней присутствие магов в виде трёх ведьм в начале-прологе «Макбета». Недаром, несмотря на вроде бы женский пол, все три ведьмы (sic!) – бородаты.²

Имя настоящего, не легендарного Томаса Харриета встретилось ещё раз, когда в конце XX века была случайно найдена чья-то записная книжка начала XVII века. В ней обнаружились выписки на латыни из Харриета; их содержание – толкование понятия Бога и другие религиозно-философские герметическо-неоплатонические мысли Ренессанса. Выписки были опасны – процесс Уолтера Рэли об этом свидетельствует. Интрига в том, что там же найдены выписки из драмы “Шекспира” «Генрих IV. Часть 1». Подобраны наставления Генриха IV сыну Генри, как себя следует вести наследнику престола. Причём как образец поведения перед царствующей королевой (слово «king» исправлено рукой редактора на «queen»). Авторы рукописи остаются загадкой до сих пор. Но что это время правления Елизаветы – несомненно.³

История с этой записной книжкой показывает, что рядом с теми, кто всеми силами пытается открыть, есть достаточное количество тех, кто старается закрыть и не разглашать. Даже *правда* нежелательна, если она будет «оскорблять чувства верующих» – формула, которой обскурантизм ныне глушит свободную мысль при попустительстве властей. Но есть и другая организация, которая «блюдёт интересы государства», и учёным сбрасывают только то, что безопасно: мели, Емеля!..

И тут мы приходим к наиважнейшему вопросу: **что есть истина?**

¹ Shirley J.W. Thomas Harriet: A Biography; 362-364.

² По 3; 186-188.

³ По 3; 187-188.